

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.51

В. Е. Варда

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛЕЛОГОВ В ЮЖНО-СЕЛЬКУПСКИХ И ВОСТОЧНО-ХАНТЫЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Проводится сравнительно-сопоставительный анализ послелогов южных диалектов селькупского языка и восточных диалектов хантыйского языка. Селькупский и хантыйский языки находятся в отдаленном генетическом родстве. Этносы, говорящие на данных языках, имели продолжительные контакты. Послелого селькупского языка делятся на серийные и несерийные. Послелого хантыйского языка делятся на этимологически непрозрачные собственно послелого и существительные в послеложном употреблении.

Ключевые слова: *послелог, селькупский язык, хантыйский язык, падеж, пространство, время.*

Хантыйский и селькупский языки относятся к уральской языковой семье. Оба языка представляют собой совокупность разных диалектов. Диалекты хантыйского языка делятся на восточные и западные. Восточные диалекты хантыйского языка представлены ваховским, васюганским, александровским и юганским. Вопрос диалектного членения селькупского языка несколько сложнее. Начиная с конца XIX в. создавались различные научные классификации данного языка. В первой классификации селькупский язык делился на три группы: северные, средние и южные [1]. Спустя шестьдесят лет финский исследователь К. Доннер назвал двадцать три остяко-самоедских диалекта, основываясь на географических и лингвистических данных [2]. Г. Н. Прокофьев выделил три наречия: тазовское, тымское и кетское [3]. Е. А. Хелимский подразделил селькупский язык на три основные диалектные группы: северные, центральные и южные [4]. Южные диалекты селькупского языка делятся на тымский, обский и кетский [5].

Во многих лингвистических работах по хантыйскому и селькупскому языкам большое внимание уделяется лексико-семантическим вопросам [6, 7]. В статье исследуются послелого селькупского и хантыйского языков.

В восточных диалектах хантыйского и южных диалектах селькупского языков имеется богатая падежная система для выражения пространственно-временных отношений. Вместе с ней названные отношения передаются при помощи специальных имен, послелогов, которые противопоставляются именам существительным.

Под послелогом принято понимать функциональные слова, при помощи которых устанавливается отношение между двумя объектами, выраженными существительными или именными фразами, и указываются функции именной фразы

в предложении [8]. В селькупском языке их наблюдается большое количество, тогда как в восточных диалектах хантыйского их сравнительно немного.

Послелого связаны с именем либо с управлением. В основном они выражают пространственные и временные отношения, а также такие значения, как цель, причина, следствие, образ действия, сравнения, совместности, орудия действия и т. д. В редких случаях они используются для передачи более обобщенных грамматических значений. Состав послелогов во многих языках сложен. Непроизводные послелого малочисленны. Основную часть представляют послелого, которые возникли в процессе грамматикализации знаменательных слов, изоляции и функционального переосмысления их отдельных словоформ. Некоторые послелого имеют падежное и лично-притяжательное склонение. Изучением послелого занимались такие лингвисты, как М. Хаспельмат, Н. М. Терещенко, Н. К. Дмитриев, В. В. Быконя и др. В работе Э. Г. Беккер «Морфология селькупского языка» селькупские послелого сравниваются с хантыйскими, так же как и в работе В. В. Быконя «Структурно-семантическая характеристика локальных уточнений в селькупском языке». Однако сравнению послелогов не была посвящена отдельная работа.

В восточных диалектах хантыйского языка в лексической группе послелогов выделяют два подтипа: этимологически непрозрачные собственно послелого и существительные в послеложном употреблении. Этимологически непрозрачные послелого представляют собой закрытый класс, так как их ограниченное число. Они полностью делексикализованы и выражают только пространственные отношения. Существительные в послеложном употреблении – это существительные в основном

со значением ориентации объектов в пространстве [9].

В южных диалектах селькупского языка послелоги принято разделять на серийные и несерийные. Группа серийных послелогов соотносится с именами существительными в формах пространственных падежей. Они выражают пространственные либо временные отношения в зависимости от семантики имени, с которым используются. Их особенность состоит в том, что они образуют определенные серии, происходящие от одного слова и имеющие в своем составе разные форманты, соотносящиеся с аффиксами локативных падежей имен существительных. Например, послелог *moqal pol' aqeq* со значением 'позади' имеет первый компонент *moqqal* 'спина', а вторым компонентом выступает имя существительное *peläk* 'сторона, половина, часть' в форме местно-временного падежа. Вторая группа послелогов селькупского языка, несерийные послелоги, которые в свою очередь не образуют серий и выражают пространственные, временные, причинно-целевые и другие отношения [5].

Для данного описания были выбраны послелоги с пространственным и временным значением: (1) 'до', 'по'; (2) 'через'; (3) темпоральная семантика 'в течение'; (4) семантика ориентира, относительно которого происходит движение 'через', 'сквозь'; (5) семантика цели или лица, ради которого происходит событие 'ради'; (6) 'вдоль'; (7) семантика исходной точки 'из', 'от'; (8) 'сзади', 'зад'; (9) 'близость'; (10) 'над', 'наверху'; (11) 'промежуток', 'интервал', 'место между'; (12) 'под', 'внизу'; (13) 'внутри чего-либо'; (14) семантика пространства, связанного с референтом, 'к месту', 'в месте'; (15) 'спина', 'сзади'; (16) 'перед'.

В восточных диалектах хантыйского языка вышеуказанным понятиям соответствуют следующие послелоги: (1) *motfä* и *wälaka*; (2) *säpi*; (3) *merä*; (4) *muçti*; (5) *pätänä*; (6) *qoçat*; (7) *qut'na*; (8) *qas-*, *säj-*, *tföntf*, *pir-*, *potf-*; (9) *sil*, *ponäl*, *potoj*; (10) *älñäj*, *oçti*; (11) *köt-*; (12) *uj-*, *pittä-*; (13) *ont*, *tiçpi*; (14) *taçi-*; (15) *pir (t)-*; (16) *ilpi-*, *tempin-*. В диалектах селькупского языка: (1) *tetti*; (2) *par (i)*, *i-*; (3) *kundi*, *çumbi*; (4) *par (i)*, *put (i)*, *moqqal*; (5) *çoti*; (6) *çimpj*; (7) *šünci*; (8) *çipi*; (9) *migon*, *ak*; (10) *i-*; (11) *qö*, *mor (i)*, *kotä*; (12) *il (i)*, *topi*; (13) *šünci*, *put (i)*; (14) *qö*; (15) *pulä*, *moqqal*, *tak*; (16) *çoti*, *qat*, *uki*. Один послелог может выражать несколько значений, например, хантыйский *pir-* может означать пространственные значения 'сзади', 'зад', 'спина', что может быть объяснено широкой полисемией.

(1) (a) *tap tetti tüäak* 'Досюда дошел – я' [10].

(b) *nat tettiñoani kussat mat tjaçi ilak niçuti asa küsa* 'С тех пор, как я здесь живу, никто не умирал' [10].

(c) *ajqunä narkälmönkäim os joçimi, äntwäl motfä mäu uja mäniçän* 'Юноша змея опять ударил, тот по пояс в землю ушел' [11].

(d) *t'u mäyi mäy motfä nomlim* 'Это до сих пор я помню' [11].

В 1 (c) хантыйский послелог *motfä* и селькупский послелог *tetti* в (a) передают пространственные отношения с семантикой ориентира и предела в пространстве. Оба послелога выступают в роли пространственного маркера, не маркированы показателями словообразовательных категорий имени. Хантыйский *motfä* может использоваться для передачи временных отношений, как в (d). В данном случае он передает значение предела во времени. Селькупский *tetti* также выражает временные отношения со значением предела во времени. Данный послелог встречается также в оформлении суффикса исходного падежа, например в (b). В данном случае он указывает на исходный пункт во времени.

(2) (a) *aïmərän tün parəβän* 'Прыгнул [я] через огонь' [10].

(b) *mat eret parəçət qweläçiyak* 'Я весь месяц рыбачил' [10].

(c) *mat çäçsaq pil'edent kalpant päroutte* 'Я ехал в Иванкино через Колпашево' [10].

(d) *küm / loq säpi mäñäs* 'Он (она) пошла через улицу' [9].

В 2 (d) хантыйский послелог *säpi* и в (a) селькупский послелог *par (i)* выражают пространственное отношение с семантикой движения через или сквозь какое-либо место. Хантыйский послелог не маркирован суффиксами. В (a) селькупский послелог *par (i)* представлен формой *par-əβän*, в данном случае он употребляется вместе с пролативным суффиксом. Данный послелог также может указывать на распространение действия вдоль пространства, расположенного выше предмета, и употребляться с другими суффиксами (аблативный, лативный и локативный), выражая ряд других пространственных и временных значений. Например, в (b) селькупский послелог используется в оформлении локативного суффикса в сочетании с именем, означающим определенный промежуток времени, и выражает значение срока, в течение которого совершается действие. В примере (c) он употребляется с пролативным суффиксом, в связи с чем представлен формой *päroutte*.

(3) (a) *wattät çomba mat çäçak* 'Я вдоль дороги иду' [5].

(b) *il'ät kunti tiçti esa* 'В продолжение жизни здесь был – он' [10].

(c) *top orte kunda üçsa* 'Он изо всех сил работал' [10].

(d) *ödel çomp qannembel pagoda ēya* 'В течение весны прохладная погода была' [5].

(е) *tü qotl merə əj kolpə ənt atwəl* ‘В течение дня он (она) не произнесли ни слова’ [9].

Хантыйский послелог *merə* в 3 (е), селькупские *kundj* в (b) и *čombi* в (d) передают значение ‘срок, в течение которого происходит действие’ [12, 13]. Названные послелогов не маркированы суффиксами. Селькупский *kundj* способен выражать такие темпоральные значения, как предел во времени, отрезок времени, спустя который что-либо произошло. В (с) селькупский послелог также выражает абстрактные отношения. Селькупский *čombi* в иных ситуациях, в отличие от других послелогов в данном примере, может передавать пространственные значения направления вдоль чего-либо, как, например, в (а).

(4) (a) *tem inne mičjet eliəde nūte putimind manimbjait mičend* ‘Он поднял голову свою, через траву посмотрел на дорогу’ [10].

(b) *mat šelit moγoutte mannimbak* ‘Я через щель смотрю’ [10].

(c) *qūq moγal qurgu* ‘По течению плыть’ [10].

(d) *os korlikijoy muyti körə məntä maswəl* ‘Снова должен идти пешком через Корлики’ [11].

В представленных примерах 4 (а)–(d) хантыйский послелог *muyti* и селькупские *put (i)* и *moqqal* означают семантику ориентира, относительно которого происходит действие, направление через пространство [12, 13]. В (а) селькупский послелог *put (i)* используется с пролативным суффиксом и представлен формой *putimind*. Данный послелог может употребляться с другими суффиксами (локативный, лативный и аблативный) и может выражать другие пространственные значения. Селькупский послелог *moqqal* в (b) используется с пролативным суффиксом и имеет форму *moγoutte*. В других случаях с данным суффиксом он также может передавать значение направления вдоль пространства позади предмета или лица. Также он может использоваться с другими суффиксами (лативный, локативный и аблативный) и передавать другие темпоральные и пространственные значения. Как показано в (с), данный послелог со значением ‘по’ может использоваться без падежного оформления [12]. В (d) хантыйский послелог *muyti* не маркирован и передает значение движения сквозь что-либо. На данном этапе не было зафиксировано случаев использования данных послелогов во временном значении.

(5) (a) *onänti čöati moatkij kollananti* ‘Из-за себя дома остаешься – ты’ [10].

(b) *mat taqi čöat šimol’ändə qindak* ‘Я на лето в деревню еду’ [10].

(c) *wario surijm čad tontjo* ‘Про медведя расскажи’ [10].

(d) *müyüli pətənə?* ‘Зачем?’ [11]

В примерах 5 (а) и (d) хантыйский послелог *pətənə* и селькупский *čotj* передают причинные отношения. Хантыйский послелог не маркирован суффиксами. Селькупский послелог *čotj*, передавая причинные отношения, семантически связан с лицом или предметом, из-за которого совершается действие. Данный послелог может выражать временные (с), делиберативные (d), целевые и другие отношения.

(6) (a) *wattət čomba mat čəžək* ‘Вдоль дороги я иду’ [10].

(b) *mat qal žomb mačoyət pramuälaičək* ‘Я всю зиму в лесу промышляю’ [10].

(c) *joγən qoyat ajritna mənləm* ‘Я вдоль реки спускаюсь на лодке’ [9].

Хантыйский послелог *qoyat* в (с) и селькупский послелог *čumpi* в (а) имеют семантику протяженности в пространстве. Хантыйский послелог не маркирован падежными суффиксами. Селькупский послелог *čumpi* представлен формой *čomba*. Данный послелог может также выражать временные отношения с семантикой срока, в течение которого совершается действие, как в (b).

(7) (a) *peč süncəqet marjet tü* ‘В печи большой огонь’ [10].

(b) *poru süncəyət calporij* ‘Под пиджаком рубашка’ [10].

(c) *kič šunđeyət čəlät čumbik ēžešpa* ‘Посреди зимы дни длинные стали’ [10].

(d) *miγ qat qut’na jusəw* ‘Мы вернулись назад домой’ [9].

В 7 (d) и (а) хантыйский послелог *qut-* и селькупский *šünci* имеют семантику исходной точки, в направлении которой осуществляется движение [11, 12]. Хантыйский и селькупский послелогов маркированы локативным суффиксом и представлены формами соответственно *qut’na* и *süncəqet*. С данным суффиксом селькупский послелог также может употребляться с названиями одежды, передавая значение ‘под чем-либо’, как в (b) [10]; *šünci* употребляется также вместе с суффиксами лативного, пролативного и аблативного падежей, передавая различные пространственные значения. Кроме того, в (с) *šünci* послелог используется в сочетании со словами, обозначающими временные отрезки, и обозначает момент действия, происходящий в промежуток данного отрезка времени.

(8) (a) *wattə čibout cugulžə tūəpak* ‘С конца дороги назад иду – я’ [10].

(b) *taq čiponti* ‘К концу лета’ [10].

(c) *oyri qasa jolayən* ‘Он (она) стоял (-а) за дверью’ [9].

(d) *juγ säjnə kən’imtayən* ‘Он (она) прятался (-ась) за деревом’ [9].

(e) *qat tfönnə aməslən* ‘Ты сидишь за домом’ [9].

В 8 (а) селькупский послелог *сiрi* указывает на исход действия от конца чего-либо [12]. В данном примере он представлен формой *сiвout* и используется в аблативном падеже. Этот послелог имеет значение ‘конец, конечность’, ‘корма’ и может использоваться в локативном, лативном и пролативном падежах и передает в основном пространственные значения, но также были зафиксированы случаи, когда он используется для выражения временных отношений. Так, в (b) селькупский послелог используется с суффиксом лативного падежа и передает значение достижения определенного срока. В (c) хантыйский послелог *qas-* имеет значение ‘сзади, зад’ и употребляется с суффиксом иллативного падежа и представлен формой *qasa* [11]. Этот корень может использоваться с локативным суффиксом. В (d) хантыйский послелог *säj* имеет семантику, идентичную *qas-*, но используется с суффиксом локативного падежа [13]. Данный корень, так же как и *qas-*, может использоваться в иллативном падеже. В (e) хантыйский послеложный корень *tföntf* используется в локативном падеже и имеет схожую семантику с предыдущими вариантами.

(9) (a) *tüt mogot pöt eja* ‘Около костра тепло’ [10].

(b) *pajaga t'elt migin amda koneporgip poželžešpat* ‘Бабушка на солнце сидит, шубу порет’ [10].

(c) *mon owon onž niŋga akoŋkan aqget* ‘Моя мать сама стояла у окна’ [10].

(d) *imi tfoyal silnə sapoqqən käsəwəl* ‘Старуха ищет ботинки за печкой’ [11].

В примерах 9 (a), (b) и (d) селькупские послелог *migon*, *ak* и хантыйский послелог *sil-* имеют семантику ‘близость’, ‘нахождение одного лица или предмета около или напротив другого предмета или лица’, ‘место действия или процесса около, напротив чего-либо’ [12, 13]. Хантыйский послелог используется в локативном падеже. Изначально он имел значение ‘сторона, снаружи’, от которого образовалось послеложное значение. На данном этапе не зафиксировано случаев использования данного послелога во временном значении. В (a) и (b) селькупский послелог *migon* не маркирован флексиями. В (c) селькупский послелог *ak* используется в локативном падеже и представлен формой *aqget*. Этот послелог передает только пространственные отношения и может использоваться в таких падежах, как лативный и аблативный.

(10) (a) *tjir üdun iyot qombərna* ‘Тигр на воде плавает’ [10].

(b) *tan iβondo mat mukam matšap* ‘Из-за тебя я палец порезала’ [10].

(c) *pütkäli joyən əlnəŋnə aməswəl* ‘Птица сидит на воде’ [9].

В 10 (a) и (c) селькупский послелог *i-* и хантыйский послелог *əlnəŋ* соответственно имеют семантику пространства ‘над, наверху’ и используются с суффиксом локативного падежа [10, 11]. В (a) селькупский послелог используется в локативном падеже и представлен формой *iyot*. Также в локативном падеже он может означать место действия над предметом. Этот послелог может обозначать причинные отношения, как, например, в (b). Как и другие серийные послелогии, он используется в нескольких падежах (лативный, пролативный, аблативный).

(11) (a) *čumbiŋe tiwette qwanbatət mažit qöyot qət qöyot a ādatet* ‘Волки отсюда ушли, между лесом и рекой не видно их’ [9].

(b) *āže mändadət mi madət qöyət* ‘Олени пробежали мимо нашего дома’ [10].

(c) *tomitit moarqet* ‘Между ними’ [10].

(d) *mitteŋ morokot me kanan'mən nuhid'isötin* ‘В конце пути наши собаки устали’ [10].

(e) *mat qodeyət oppa pö* ‘Между домами лежат дрова’ [10].

(f) *tfü əllə juyən kötöy mənəwəl* ‘Он (она) идет между корней большого дерева’ [9].

Селькупские послелогии *qö* и *mor (i)* в 11 (a), (b) и (f) хантыйский послелог *köt* имеют семантику ‘промежуток, интервал, место между’ [10–12]. Хантыйский послелог используется в локативном падеже. В (a) селькупский послелог *qö* используется в локативном падеже и представлен формой *qö-yot*. В этой же форме он также означает локализацию действия или процесса около предмета или лица, направление мимо предмета, как, например, в (b). Этот послелог может использоваться с лативным, пролативным и аблативным падежами, выражая разные пространственные отношения. Селькупский послелог *mor (i)* в (c), как и *qö*, используется в локативном падеже. В этом падеже он также передает значения места действия или процесса в конце чего-либо, момент окончания чего-либо, как, например, в (d). Данный послелог может употребляться с лативным и пролативным падежами и передает пространственные и временные значения. В (e) селькупский послелог *kotä*, как и другие послелогии, используется в локативном падеже. Он может использоваться в лативном, пролативном и аблативном падежах.

(12) (a) *pon iŋyən ippa* ‘Под столом лежит’ [10].

(b) *estel iŋyən ponä izap tülse* ‘Из-под стола вытащил [я] ружье’ [10].

(c) *pot toapoqit aqai! sečēnta* ‘Под деревом гриб растет’ [10].

(d) *tabə pö dabəndə nil'ed'emba* ‘Он под дерево встал’ [10].

(e) *ämp qot pittənə* ‘Собака под домом’ [9].

В примерах 12 (а), (b) и (е) селькупские послелого *il* (i), *topi* и хантыйский послелог *pittä* обозначают пространственные отношения, имеют значение ‘под, внизу’ [9, 12]. Хантыйский послелог используется в локативном падеже, также он может использоваться в иллативном падеже. Селькупский послелог в (а) также используется в локативном падеже. В данной форме он может передавать значения исхода действия из-под предмета, локализации действия или процесса у нижней части предмета, как, например, в (b). Этот послелог передает различные пространственные и временные значения и используется с локативным, лативным, пролативным и аблативным падежами. В (с) селькупский послелог *topi* используется в локативном падеже. Он также выражает различные пространственные отношения в лативном, пролативном и аблативном падежах. Например, в (d) данный послелог используется в лативном падеже и передает значение направления к нижней части чего-либо.

(13) (а) *peč' šünc'öqet marȳot tü* ‘В печи большой огонь’ [10].

(b) *šoyort pužoyot warge tü* ‘В печи большой огонь’ [10].

(с) *mä ontäm qäŷäqi* ‘У меня болит внутри’ [9].

В 13 (а) и (b) селькупские послелого *šünc'* и *put* (i) и хантыйский послелог *ont* в (с) имеют общее значение ‘пространство внутри чего-либо’ [12, 13]. Хантыйский *ont* может использоваться в иллативном, локативном и пролативном падежах. В (а) селькупский послелог *šünc'* используется в локативном падеже и представлен формой *šünc'öqet*. В (b) селькупский послелог *put* (i) используется в локативном падеже.

(14) (а) *ňart qöndo ä'k qšajak* ‘К болоту не ходи’ [10]!

(b) *mä ilalintäläm iynä mänt nuylitä tayi äntä wutata* ‘Я лег, чтобы не видеть, как медведь меня ест’ [14].

Селькупский послелог *qö* в 14 (а) и хантыйский послелог *tayi* в (b) имеют семантику ‘области, соотносимой с референтом’ [12, 13]. Хантыйский послелог может использоваться также в иллативном и локативном падежах. В (а) селькупский послелог *qö* используется в лативном падеже.

(15) (а) *aurle bule mat tülake* ‘После еды я приду’ [10].

(b) *tan moçoyond quđine a tussah* ‘После тебя никто не приходил’ [10].

(с) *moatat toaqoqiť* ‘За дверью’ [10].

(d) *me tüleise šodo pot taqät* ‘Мы придем через два года’ [10].

(е) *ämpäli äj pel-ä i pirka menäs* ‘Собачка отскочила и назад убежала’ [9].

В 15 (а)–(с) селькупские послелого *pulä*, *moqqal* и *tak* и в (е) хантыйский послелог *pir* (t) использу-

ются для выражения пространственного значения ‘назад’ [12, 13]. Хантыйский послелог также может выражать временные значения ‘после’ в локативном падеже. В (а) селькупский послелог *pulä* передает временные отношения. В (b) селькупский послелог *moqqal* используется в локативном падеже и указывает на следование одного факта после другого, одного действия после другого, также он может передавать пространственные значения. В (с) селькупский послелог *tak* используется в локативном падеже и представлен формой *toaqoqiť*. Этот послелог выражает пространственные отношения и указывает на место действия или процесса позади предмета или лица. Он может использоваться в локативном, лативном, аблативном и пролативном падежах, выражая различные пространственно-временные отношения. Например, в (d) он выражает временные отношения со значением ‘момент времени, по истечении которого совершается действие’.

(16) (а) *ma ñonñāmo mo modano čoat illa* ‘Моя сестра нашего дома напротив живет’ [10].

(b) *mat taqi čöat šimel'ände qıadak* ‘Я на лето в деревню еду’ [10].

(с) *tuldo tap qatqot oppa* ‘Ружье перед ним лежит’ [10].

(d) *l'ekarstvam öžugu aurten qatqin* ‘Это лекарство пить перед едой’ [10].

(е) *sifka tošpa tabät qätä nolëžäla* ‘Сивка пришел, перед ним встал’ [10].

(f) *rit ilpinä imsi* ‘Сядь впереди лодки’ [9].

Селькупские послелого *čöti* и *qat* в 16 (а), (с) и хантыйский послелог *ilpi* в (f) соответственно передают значение ‘пространство перед’ и ‘низ’ [12, 13]. Хантыйский *ilpi* используется в локативном падеже. Также он может использоваться в иллативном падеже. В (а) селькупский послелог *čöti* выражает пространственные отношения, также он может передавать временные отношения со значением того, что действие приурочено к отрезку времени, выраженному предшествующим именем существительным, как, например, в (b). В (с) селькупский послелог *qat* используется в локативном падеже и представлен формой *qatqot*. Данный послелог в ряде случаев выражает временные отношения со значением предшествования одного действия другому, как, например, в (d). В (е) данный послелог указывает на направление движения к передней, лицевой части предмета или лица. В этом случае он используется в лативном падеже.

Как показано выше, семантически послелого принадлежат к группе пространственных маркеров. Внутри этой группы выделяются следующие подгруппы: статическое нахождение в отношении ориентира и динамическое нахождение в отношении ориентира. Послелого, выражающие времен-

ные отношения, подразделяются на следующие подгруппы: выражающие одновременность и выражающие последовательность. Выделяется третья группа послелогов, которая выражает отношения причинности. Один и тот же послелог может выражать несколько значений в зависимости от контекста или падежного окончания. Это объясняется процессом метафоризации «пространство-время». В контексте общей типологии это распространённое явление. Метафоризация – это один из способов смыслового развития, который заключается в том, что лексические единицы, обозначая некоторый новый предмет («переносное», производное значение), продолжает сохранять связь со старым предметом («прямое», производящее значение). При этом оба в каком-либо отношении сходны. Метафоризованное слово как носитель нового производного значения представляет собой научно-технический термин, а его прежнее, производящее, значение является компонентом общенародного языка. В ходе процесса метафоризации слово становится двузначным или многозначным. Смысловая структура такой лексической единицы состоит из двух или нескольких пар значений, связанных друг с другом отношением подобия.

С точки зрения морфосинтаксиса видно, что как в хантыйских диалектах, так и в селькупских часть послелогов принимает падежные показатели, а другая – нет. Те послелогии, которые оформляются при помощи падежных окончаний, еще не утратили свое этимологическое значение и мо-

гут использоваться как обычные слова в предложении. Послелогии, которые не принимают падежные показатели, уже утратили свое этимологическое значение и не могут использоваться в предложении в другой функции.

На данном этапе среди рассмотренных послелогов не было обнаружено одновременного совпадения формы и значения, в связи с чем можно предположить, что контактное влияние в данном случае не распространилось на послелогии. Скорее всего, послелогии появились в данных языках после того, как они разделились на разные языки.

Можно отметить, что послелогии рассматриваемых диалектов во многом отличаются по традиции описания и классификации. В хантыйских диалектах ключевым критерием является этимологическая прозрачность, в то время как в селькупских диалектах таким критерием выступает способность образовывать серии.

Один послелог может выражать различные оттенки пространственно-временных значений. Среди употребления падежных форм в большинстве случаев совпадают употребления послелогов обоих языков в локативном падеже, однако значения могут носить разный характер. В хантыйском языке послелогии могут также использоваться в иллативной падежной форме, тогда как в селькупском языке послелогии могут употребляться в лативном, пролативном и аблативном падежах. Следует также добавить, что в случаях совпадения семантического значения послелогии одного языка могли иметь флексии, а послелогии второго – нет.

Список литературы

1. Castren M. A. Grammatik der Samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854. 608 S.
2. Donner K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen. Helsinki, 1920. 194 S.
3. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Ч. 1. М., 1937. С. 91–124.
4. Helmski E. Selkup // The Uralic Languages. N. Y., 1997. Pp. 548–579.
5. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка: южные диалекты. Ч. 2. Томск, 1995. 284 с.
6. Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // Томский журн. лингв. и антроп. иссл-ий. 2014. Вып. 2 (4). С. 29–33.
7. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
8. Haspelmath M. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. München-Newcastle, 1997. 288 p.
9. Filchenko A. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2010. 553 p.
10. Быконя В. В. Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1980. 216 с.
11. Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961. 204 с.
12. Быконя В. В. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. 348 с.
13. Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981. 544 с.
14. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1966. 207 p.

Варда В. Е., аспирант.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: viktor.varda@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 08.07.2014.

V. E. Varda

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOUTHERN SELKUP AND EASTERN KHANTY POSTPOSITIONS

The paper reviews postpositions of two endangered indigenous Uralic languages of Western Siberia: Southern Selkup and Eastern Khanty. These languages have remote genetic affiliation and an extended cultural and linguistic contact, co-inhabiting the area of middle Ob river flows of Tomsk region. The main focus of the discussion is the comparative analysis of postpositions of these two languages on the basis of existing grammars. Postpositions are usually used to express spatial temporal notions. They typically represent a model of space-time metaphor. Selkup postpositions are divided into serial and non-serial. Khanty postpositions are divided into etymologically non-transparent postpositions proper and postpositional use of nouns.

Key words: *postposition, selkup, khanty, case, space, time.*

References

1. Castren M. A. *Grammatik der Samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854. 608 S.
2. Donner K. *Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen*. Helsinki, 1920. 194 S.
3. Prokof'ev G. N. *Selkup (the Ostyak-Samoyed language)*. Part 1. Moscow, 1937. Pp. 91–124 (in Russian).
4. Helimski E. *Selkup. The Uralic Languages*. New York, 1997. Pp. 548–579.
5. Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morphology of Selkup: southern dialects*. Part 2. Tomsk, 1995. 284 p. (in Russian).
6. Polyakova N. V. Objectivization of river in the linguistic world-view of the selkup ethnos. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 2 (4), pp. 29–33 (in Russian).
7. Polyakova N. V. "Sacred places" in the worldview of the selkups. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
8. Haspelmath M. *From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages*. München-Newcastle, 1997. 288 p.
9. Filchenko A. *Aspects of the Grammar of Eastern Khanty*. Tomsk, 2010. 553 p.
10. Bykonya V. V. *Structural-semantic characteristics of the local qualifiers in the selkup language*. Dis. cand. philol. sci. Tomsk, 1980. 216 p. (in Russian).
11. Tereshkin N. I. *Essays of Khanty language dialects*. Moscow-Leningrad, 1961. 204 p. (in Russian).
12. Bykonya V. V. *Selkup-Russian dialect dictionary*. Tomsk, 2005. 348 p. (in Russian).
13. Tereshkin N. I. *Dictionary of Eastern Khanty dialects*. Leningrad, 1981. 544 p. (in Russian).
14. Gulya J. *Eastern Ostyak Chrestomathy*. Bloomington, 1966. 207 p.

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: viktor.varda@yandex.ru